

Кролик на коленях, казалось, замёрз и сжался в комочек, а затем, воспользовавшись невнимательностью хозяйки, выскользнул из её рук. Однако Хунмей, действуя мгновенно, поймала его и вернула обратно в объятия молодой госпожи.

— Если меня не трогают, я не трогаю других. Она лишила меня зрения, и я, естественно, должна ей это вернуть. Но ослепнуть — это не так интересно, гораздо лучше оставить её без ног. Пусть она видит и слышит всё, что происходит вокруг, но не может ничего сделать. Вот это будет настоящая расплата!

Едва она закончила говорить, как Сяо Хун почувствовала, что комната стала слишком просторной. Ветер пробирался сквозь каждую щель, заставляя её покрыться холодным потом.

«Молодец, госпожа! Именно так и надо поступать. Почему эти зачинщики могут спокойно жить, наслаждаясь жизнью и преуспевая? Они должны получить по заслугам!»

— Да, я понимаю, — ответила Хунмэй, откладывая в сторону семечки и кивнув с серьёзным видом.

Увидев, что Сяо Хун не реагирует, она слегка толкнула её.

— Ой... Да, я понимаю!

На горе Хуай, у каменного стола.

— Ты хочешь изучать медицину ради неё?!

Глаза Лянь Чжиюй, обычно соблазнительные и узкие, расширились до предела, превратившись в круглые. Она схватила Чжэн Цзюньсинь и прижала тыльную сторону руки ко её лбу.

— У тебя снова жар? Нет, вроде нормальная температура.

Чжэн Цзюньсинь стряхнула её руку и, сорвав травинку с обочины, аккуратно связала букет цветов, который затем примерила к своей причёске. Наконец, найдя подходящее место, она вставила веточку в волосы.

— Сестра, я серьёзно. Ты не представляешь, как сильно А-Лин заботится обо мне. Она учит меня читать и писать, водит меня запускать воздушных змеев, защищает от обидчиков, а теперь даже ищет врача, чтобы вылечить мою болезнь. Но я такая глупая, я ничего не умею, иногда даже не понимаю, что она говорит. Я не хочу быть такой!

Лянь Чжиюй пробормотала:

— Ты всё это помнишь в мельчайших деталях. Кто говорит, что ты ничего не умеешь?

Она глубоко вздохнула, чувствуя, что её маленькая сестрёнка выросла и её уже не удержать. Всего полгода разлуки — и вот она уже готова уйти.

— Так ты решила изучать медицину, чтобы вылечить её глаза? Но это очень сложно, без десяти лет практики ничего не получится. Ты уверена, что твоя А-Лин сможет ждать, пока ты выучишься?

Лянь Чжиюй полулежала на поваленном дереве, левая рука поддерживала локоть правой, а пальцы правой руки, мягкие и гибкие, сложились в форме цветка орхидеи, играя с кончиком её волос.

— Я хочу изучать медицину, потому что однажды А-Лин заболела, у неё был сильный жар, она лежала на жёсткой кровати, и казалось, что она больше не проснётся. Мне было так страшно, я не хочу, чтобы А-Лин оставила меня!

В каждую ночь после того, как они начали спать отдельно, ей снился один и тот же сон: А-Лин лежит на кровати, вся белая. Сколько бы она её ни звала, та не отвечала и не улыбалась. Единственный человек, который так хорошо к ней относился, тоже собирался её покинуть.

«Нет, она не может этого допустить!»

— Я хочу выучить медицину, чтобы вылечить А-Лин и оставить её рядом с собой, чтобы она никогда не уходила!

Чжэн Цзюньсинь говорила с безумным блеском в глазах, словно смотрела сквозь Лянь Чжиюй на того, кого хотела видеть. Кровь наполнила её глазницы, а уголки губ изогнулись в странной улыбке. Её аура полностью изменилась, в глазах читались желание и одержимость.

— Цзюньсинь, ты... что с тобой? — Лянь Чжиюй моргнула, пытаясь убедиться, что перед ней всё ещё та самая глупенькая девочка, которую она опекала столько лет. Её сердце забилося так сильно, что казалось, вот-вот вырвется из груди.

— Цзюньсинь? — Когда та не ответила, она снова позвала её, на этот раз смелее.

— Что случилось, сестра Чжиюй?

Чжэн Цзюньсинь очнулась, и та ужасная аура, которая окутала её, мгновенно исчезла. Цветы софоры на её голове слегка дрожали, а она сама улыбалась, сияя на солнце.

Казалось, что та безумная одержимость была всего лишь иллюзией.

Но Лянь Чжиюй знала, что не ошиблась. У Чжэн Цзюньсинь появилась черта, характерная для людей с умственной отсталостью, — одержимость.

В её время таких людей обычно помещали в психиатрические больницы на всю жизнь, если их не удавалось вылечить.

В её родном городе тоже встречались люди с умственной отсталостью, но чаще всего их сводили с ума обстоятельства, а не рождались такими.

Их глупость проявлялась по-разному: кто-то был полностью лишён способности мыслить и нуждался в постоянной заботе, а кто-то, как Чжэн Цзюньсинь, обладал определённым интеллектом, как ребёнок. Но у всех них было одно общее — сильная одержимость чем-то.

Она помнила, как в восемь лет пошла играть к редко посещаемым родственникам. Взрослые разговаривали, а ей стало скучно, и она вышла на улицу. Там она увидела, как старший брат её родственников играет с пластмассовой машинкой, а окружающие дети игнорировали его, стоя или сидя выше, смотря на него сверху вниз с насмешками.

Старший брат не обращал на это внимания, продолжая играть с машинкой. Она не знала, что он был умственно отсталым, и, возмущившись тем, как дети издеваются над ним, с раздражением прогнала их. Затем она присела, чтобы поговорить с ним, но мальчик даже не посмотрел на неё. После нескольких попыток Лянь Чжиюй разозлилась.

«Я прогнала тех, кто тебя обижал, а ты даже не поблагодарил меня и не обратил на меня внимания! И всё ещё играешь с машинкой, что в ней интересного?!»

Маленькая Лянь Чжиюй выхватила машинку из его рук и стала трясти её перед ним:

— Ну как, я молодец? Давай поиграем вместе... Ааа!!!

Взрослые, услышав крик с улицы, бросились посмотреть, что случилось.

Они увидели, как старший брат, который был вдвое больше Лянь Чжиюй, схватил её и с силой сжал, так что у неё заболел живот, а затем начал раскачивать её в воздухе.

Он повторял, словно в бреду:

— Не трогай мою машинку! Верни её мне!!!

Девочку болтало в воздухе, ей было так плохо, что она едва не вырвала, и, рыдая, кричала:

— Я больше не хочу её... забери свою машинку... Мама, папа!!!

Все бросились сдерживать старшего брата, чтобы он её не уронил, а её родители поспешили забрать её. Дрожа всем телом, она бросила машинку ему в руки и заплакала, уткнувшись в грудь матери.

Этот случай оставил глубокий след в её душе, и она долго не могла его забыть.

Из-за этого происшествия у неё началась сильная лихорадка, которая длилась три дня и три ночи. После этого её здоровье стало слабым, и ей часто приходилось ходить в больницу.

В двадцать лет, когда большинство девушек наслаждаются молодостью, она уже была на грани увядания, оказавшись здесь.

И встретила эту девушку.

Они провели вместе более десяти лет, и Лянь Чжиюй думала, что она не похожа на того старшего брата, что у неё нет одержимости. Но, видимо, она просто не нашла того, что могло бы её увлечь.

— Цзюньсинь, помнишь, я рассказывала тебе о том старшем брате, который был похож на тебя, но в то же время отличался? — Она сделала вид, что спокойно трогает цветы софоры на голове Чжэн Цзюньсинь, которая лишь улыбалась, не проявляя других эмоций.

— Помню. Сестра говорила, что я похожа на него в чём-то, но в чём-то отличаюсь. Ты хочешь сказать, в чём именно?

Лянь Чжиюй подавила своё беспокойство и тоже улыбнулась:

— У тебя хорошая память. Да, тогда я сказала, что ты отличаешься от него тем, что не слишком привязываешься к чему-то.

— Ты не становишься одержимой чем-то и не начинаешь драться из-за этого. Но я ошиблась. Ты постепенно становишься похожей на того старшего брата, у тебя появился объект одержимости.

Глядя на растерянный взгляд Чжэн Цзюньсинь, Лянь Чжуйюй понимала, что та не понимает, но всё же хотела объяснить:

— Независимо от того, сможешь ли ты вылечиться, обещаю мне, что если кто-то тронет твои вещи, ты сначала подумаешь, прежде чем действовать, хорошо?

— А если кто-то будет постоянно трогать мои вещи? Я всё равно должна сначала подумать? — В глазах Чжэн Цзюньсинь снова появилась жестокость, словно тигрица, защищающая свою территорию, но её взгляд был растерянным, словно она не знала, куда направить свою ярость.

<http://bllate.org/book/16867/1554272>